

Михаил Петрович Арцыбашев

Куприян

Михаил Арцыбашев

Куприян

«Public Domain»

1902

Арцыбашев М. П.

Куприян / М. П. Арцыбашев — «Public Domain», 1902

«Куприян устал и обмок. Ноги его бессильно расползались по скользким мокрым кочкам; сапоги намокли, облипли грязью с сухими листьями и стали пудовыми. Куприян с трудом вытаскивал их из липкой, жирной грязи. Куприян был голоден и не спал прошлую ночь; в голове у него шумело, над глазами висела какая-то неприятная тяжесть. К этим ощущениям присоединялось еще и постоянное смутное сознание опасности, стоящей за плечами...»

Содержание

I	5
II	9
III	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Михаил Петрович Арцыбашев

Куприян

I

Куприян устал и обмок.

Ноги его бессильно расползались по скользким мокрым кочкам; сапоги намокли, облипли грязью с сухими листьями и стали пудовыми. Куприян с трудом вытаскивал их из липкой, жирной грязи.

Куприян был голоден и не спал прошлую ночь; в голове у него шумело, над глазами висела какая-то неприятная тяжесть. К этим ощущениям присоединялось еще и постоянное смутное сознание опасности, стоящей за плечами.

Куприяну было скверно, как бывает скверно отошало му, которого начинают травить со всех сторон.

Небо обложило еще со вчерашнего дня, и все время шел дождь. В лесу было темно и сыро, как в погребу. Еле-еле можно было различить тонкие белые стволы березок, сквозь жидкую осеннюю листву которых, тихо шурша, непрерывно пробивался мелкий назойливый дождик. Вверху было темно, пусто и холодно, внизу – мокро и тоже холодно. От мокрых деревьев, мокрой земли и моросившего в воздухе дождя получалось одно общее впечатление мокрого холода.

Куприян почти ощупью пробирался вперед, то и дело скользя с пригорков и бухая по колено в глубокие рытвины, наполненные холодной водой. Он шел молча и усиленно сопел носом, думая, машинально и тяжело, как больной, только о том, чтобы поскорее добраться в село Дерновое, лежавшее версты за четыре от места, где он шел. Куприян не знал этого и думал, что он гораздо ближе к селу.

Мысли у него были спутаны и неясны: то мелькал в них кусок хлеба, которого хотелось Куприяну, то вырастала смутная тревога, туда ли он идет. Потом все смешивалось и оставалось одно тупое ощущение усталости.

Вдруг впереди послышались какие-то звуки, едва слышно пробивающиеся сквозь шум дождя. Казалось, что кто-то осторожно постукивает палкой по стволам берез.

Куприян насторожился.

Звуки приближались и становились яснее. Скоро Куприян разобрал осторожный стук колес по корням и тихое пофыркивание лошади.

В этом месте деревья быстро редели и жалкими группами и одиночками тонких, чахоточных березок и осинок разбегались по широкой просеке, конец которой тонул за дождем и темнотой.

Снизу просека была сплошь покрыта молодой и сильной зарослью дубов, елочек и свежих беленьких березок. Отсюда было видно небо, с которого неустанно моросил невидимый дождик. Здесь было гораздо светлее; стволы березок явственно белели и казались тоненькими живыми существами. Куприян мог различить расплывающуюся в темноте фигуру лошади, шагом бредущей в стороне от дороги, прямо по зарослям и кустам. За лошадью неопределенно мерещилась телега и тощая длинная фигура мужика, неподвижно сидящего на телеге свесивши ноги. Телега сворачивала все дальше и дальше от дороги, к лесу, прямо по тому месту, где притаившись за елкой, стоял Куприян.

– Эх! – неопределенно крикнул он, присмотревшись, и, сразу шагнув из-за елки, схватил лошадь за челку.

Та нисколько не удивилась, мотнула головой и стала, ласково приносиваясь к Куприяну.

- Ну, ну... Чаво ты? – пробормотал мужик, сидевший в телеге.
- Чего шляешься? – в свою очередь спросил довольно дружелюбно Куприян.
- Я, ваше скородие, сам по себе, заговорил мужик необыкновенно хриплым и дрожащим фальцетом, – а ежели насчет лесу, то есть так... как перед богом, потому я, значит... по своему делу, а не то что...
- Эх, ты... «ежели насчет лесу», – передразнил его Куприян. – На воре шапка горит! Черта мне в твоём лесу, руби хоть весь... Жертвую!..
- Куприян засмеялся.
- Мужик недоумело молчал, неподвижно сидя на телеге.
- Из села? – спросил Куприян. – Ишь ночью выбрал! Или с вечера в кустах хоронился?
- Ах, ты...
- Ну, ну... Чаво ты! – заговорил мужик и тронул вожжи. – Но!
- Тпру! – осклабясь, тпрукнул Куприян.
- Но!
- Тпру!..
- Лошаденка сбилась и бестолково замоталась на одном месте, перебирая нотами по грязи.
- Мужик помолчал.
- Ну, ты... Пусти, что ль! – озлился он вдруг.
- А то что? – весело спросил Куприян, очень довольный, что он не один в лесу.
- А то того, ежели... видишь топору? Ну!..
- Ишь ты, какой страшный! Дурья ты голова, Игнат, своего не признал...
- Мужик встрепенулся.
- Ты?
- А то нет?..
- Неужели Купря?..
- Он самый и есть! – осклабился Куприян и, бросив лошадь, начавшую щипать какие-то листики, подошел к телеге.
- Мужичонко ужасно обрадовался.
- Купря и есть! Я смотрю: кой черт балует? А оно – Купря, Куприян, черт!..
- Так топор, говоришь? – спросил Куприян, ухмыляясь так, что в темноте сверкнули его зубы.
- Ну тя к лешему!.. Топор... запужал вовсе. Я думал – што? А оно – Купря... Куда несет?
- На село.
- А для ча?
- Старшину давно не видал, соскучился...
- Вре, – недоверчиво протянул мужик и, вдруг сообразив, ударил себя обеими руками об полы и захохотал: – Ну тя к лешему! Балагур...
- Ну, ну... Хохочи у меня! – оглянувшись, прикрикнул Куприян. – Вот услышит Вавилыч, он те даст... Лошаденка-то, чай, одна...
- И что ты! – испугался мужик и замолк. Опять стало слышно, как дождь шуршит по листьям, точно по всей просеке кто-то осторожно пробирается сквозь кусты.
- То-то... потише, говорю. Долго ли...
- Мужик инстинктивно подобрал вожжи и тронул лошадь мимо Куприяна.
- Стой, черт! Стой, говорю...
- Чаво!
- На деревне тихо? – спросил Куприян.
- Урядник наезжал, – почесываясь, сказал мужик. – Опосля становой... Поспрошал койкого. Меня спрашивал.
- Ты что ж?

– Что я... ничаво. Мое дело сторона. Увели точно у господина земского начальника лошадей, про то слышал, но, одначе, не знаю... Однава ткнул в это место. «Пошел, – говорит, – сам вор, вора и покрываешь».

Куприян помолчал.

– А Ваську видел?

– Третьего дни на огороде у Федора Кривого водку пил, а как услышал, что становой, сейчас шиганул в лес... Только его и видели...

Оба замолчали. Куприян задумался, поводя широкими плечами.

– Ну, прощай, Купря! – сказал мужик.

– Прощай, – рассеянно ответил Куприян.

Мужик, которого звали Мозявым и который был самым захудалым мужиком в селе, и не думал, однако, трогаться с места. Лошаденка понуро щипала молодые побеги; Куприян задумчиво поглядывал на небо, соображая, что если наезжали урядник и становой, то не сегодня завтра надо ждать обыска и облавы. Мозявый тупо смотрел на Куприяна, моргая подслеповатыми глазками. Дождь все шуршал, шуршал тоскливо! По временам по лесу пробегал ветер. И тогда таинственный протяжный гул заглушал шуршание дождя, но потом опять начинался его тягучий шепот.

– Ты что? – спросил, очнувшись, Куприян. Мозявый вдруг оживился.

– А ты вот что, Купря, – быстро заговорил он, – ежели насчет бабы, так я тебе говорю – боюсь!..

– Что? – неласково переспросил Куприян.

– Егор домой пришел! – выпалил Мозявый.

Куприян невольно выпустил из рук вожжу, которую захватил было опять, без причины снял шапку, опять надел ее и пробормотал спавшим голосом:

– Вре...

– Правильно говорю, – с чувством возразил Мозявый. – Зачем врать? Я тебе, Куприян, бестолковый человек, правильно говорю: пришел седни и бабу бил... Матрену!

– Бил? – машинально переспросил Куприян.

– Смертным боем! – с форсом ответил Мозявый. Куприяна передернуло, точно ему сразу стало холодно.

Мозявый захлебнулся от возбуждения.

– Насмерть бил! «Чей парнишка?» – спрашивает... это Федька-то! «Какой, – говорит, – парнишка? Какая причина парнишке быть... – Федьке то есть... – ежели твой законный муж то есть пять лет в отсутствии?» Бил бабу очень.

Мозявый покачал головой.

– Ну? – хрипло протянул Куприян.

– Ну, Матрена и повинилась: так и так, мол... Потому то есть парнишка, а парнишке без причину никак быть невозможно. Ежели он точно пять лет...

Куприян сосредоточенно молчал, поводя плечами.

– Так ты бабу-то теперича брось. Плевое дело! Егор вчера под винной похвалялся: я его!.. Это тебя то есть. Да! Бутылку сам выпил... Питерский! «Я его!» – говорит... Говорю, брось бабу, и на село – ни боже мой! Ушибет Егор. Серьезный человек... Кулачищи – во!

Мозявый в темноте развел руками.

Куприян вдруг озлился.

– Ну, ну, проезжай! Чего стал?.. Кулачищи! Ты смотри у меня: живым манером лошаденку-то...

Мозявый испуганно взглянул на него и дернул лошадь. Колеса застучали по корням.

Куприян мгновенно успокоился.

– Эхма! – присвистнул он вслед Мозявому. – Фью! Тоже мужик называется! – презрительно сплюнув, добавил он, машинально прислушиваясь к слабому стуку колес, осторожно попрыгивающих по корням и кочкам в глубину леса.

Силуэт мужика, лошади и телеги постепенно ступшеывался в темноте, стук становился слабей и слабей, смешался и исчез в шуме дождя. Куприян вздохнул, снял шапку, почесал затылок и задумался.

– Ишь, ты... вернулся, солдатский черт... не сдох, – пробормотал он. – А баяли, дюже был болен... не то помер, не то помрет... Вернулся! Матрена-то теперь, чай...

Чувство ревности и мучительного недоумения охватило Куприяна. Он опять с трудом зашагал по дороге.

«Жаль бабу, – думал он, шлепая по лужам и путаясь в мокрой траве, – забьет ее Егор... Зверь ведь, чистый зверь!.. Да и то, ежели по правде, ему тоже не очень-то... Другая, ежели бы на ее месте, отпор дала бы, а эта нет, не такая баба... смирная...»

Лес опять стал редеть.

II

Между деревьями замелькал свет, бледный и расплывчатый. Дорога выходила в поле.

Куприян постоял на опушке, глядя на село, лежавшее, как куча навозу, посреди голого черного поля, задернутого жидкой навесой обложного дождя.

«Идти, что ль? – подумал Куприян. – Васька, чай, если не утек с перепугу, так, наверное, у Федора в риге ночует».

Он стал медленно подниматься по размокшей черной дороге и уже не думал больше о том, где укрыться и что его могут схватить. Мысли его всецело перешли на приезд мужа его любовницы, солдата Егора Шибаева. Ему было очень тяжело от сознания неотвратимости беды, и это чувство усиливалось от усталости.

Он был весь мокрый от пота и дождя.

В лесу у него не было такого гнетущего чувства, как в поле. Посреди этого черною простора, над которым низко и тяжело стояло серое мутное небо, Куприян сам себе казался маленьким, незащищенным и одиноким. Его стала забирать тоска.

Мимо него потянулись низенькие полуразвалившиеся плетни, от которых местами торчали только мокрые колья.

Куприян перешагнул через плетень, прошел по мокрым, рыхлым и липким грядкам, спотыкаясь о сухие кочки прошлогодней капусты, не видные в темноте; потом перескочил канаву, чуть не упал и пошел огородом к одинокому, полуразвалившемуся сараю, который черным пятном вырисовывался на бледном фоне ночи. За сараем виднелись угрюмо шатающиеся метелки сухого камыша. Там начиналось болото, а за ним опять поле. Возле сарая торчала чахлая березка, лишенная листьев, плаксивая и жалкая.

Куприян подошел и прислушался. Внутри было тихо, но ему сейчас же показалось, что в этой тишине есть кто-то живой, пристально следящий за ним из темноты.

– Васька! – тихо позвал Куприян.

Никто не ответил, только березка скрипнула.

– Васька, я... Не признал? – повторил он.

– И то... Иди, – ответил сдавленный голос так близко от него, что Куприян вздрогнул.

– Ишь ты... притаился! – усмехнулся он и полез в сарай.

Здесь было совсем темно, пахло сухим сеном и лежалой пылью. Шум дождя, барабанившего по соломенной крыше, был сильнее и резче.

– Где ты там? – спросил Куприян. Кто-то зашевелился в глубине.

– Сюда... Да на оглоблю не напорись, – отозвался Васька.

Куприян полез на голос прямо по сему и наткнулся на человека.

– Тише ты, черт! – огрызнулся Васька и затем весело спросил: Откелсва? Дело сделал?

– Продал. Твоих шестнадцать...

– Ловко! – радостно прищелкнул пальцами Васька.

Куприян возился в сене, устраиваясь поудобнее.

– Не ворошишь, – заметил Васька.

– Обмок.

– Дело привычное, – беззаботно отозвался Васька.

– Мокрень, – жаловался Куприян, начиная дрожать от мокрого армяка, казавшегося теперь, в тепле клуни, холоднее и противнее.

– Обсушимся... во!..

Васька с торжеством что-то показал в темноте.

– Что? – спросил Куприян, постукивая зубами.

– Водка, – коротко пояснил Васька, – она самая. Мы, брат, об этом положении отлично известны... Случалось... Хлебни, – глотку обожгешь и чудесно! Во!..

Послышалось бульканье. Куприян сплюнул.

– Ирод!

Васька засмеялся.

– Важно! Так по суставам и прошло. Друг сердечный, хлебни малость! Уважь! – лез он в темноте на Куприяна.

– Отчего не уважить! – усмехнулся Куприян. Он с жадностью пил водку, чувствуя, что дрожь утихает с каждым глотком.

– Важно, – приговаривал Васька, – добре... эх! Ты, брат, этак всю водку выхлещешь! Ну... что... Васька беспокойно зашевелился.

– На.

Васька ловко перехватил посудину и опять забулькал водкой.

Куприяну стало лучше; дрожь почти улеглась, и в груди точно поместилось что-то теплое. Куприян стал осматриваться; глаза его привыкли к темноте, и в клуне ему уже не казалось так темно. В широкие щели проходил бледный белесый свет и видны были очертания каких-то поломанных колес, бочек и жердей. Смутно обрисовывался силуэт Васьки, по горло зарывшегося в сено.

Дождь шумел все так же однообразно. По временам налетал ветер, и что-то, не то березка, не то стропило, жалобно скрипело.

Куприян опять вспомнил Матрену и вздохнул.

– Чего ты? – спросил Васька, которого разобрало от выпитой водки, и ему хотелось поговорить.

– Скверность, брат...

– Чего? – глупо переспросил Васька.

– Скверно, говорю! – повторил Куприян.

Васька равнодушно сплюнул.

– А по мне, наплевать! Ну... Он помолчал.

– Словят ежели... эка, подумаешь, невидаль – острог-то. Прежде оно точно, а теперь...

Васька махнул рукой и повернулся к Куприяну.

– Я, брат, – жидким, бесшабашным голосом заговорил он, – восемь фабрик спиной вытер, так меня острогом не удивишь! Однава работали мы на цинковом заводе... Эх, Купря! Видал пекло? Так оно само и есть! Ни тебе дыхнуть, ни тебе смотреть! И глаза и нутро ест... Суставы ломит... Ложись прямо и помирай! Ну, на ткацкой, папиросной опять же, там точно легче... а все-таки супротив фабрики, я тебя скажу, ни одному острогу не выстоять.

– Не в остроге дело, дурья голова! – угрюмо сказал Куприян.

– А в чем?

– А так...

– Ну?

Куприян помолчал, потому что не мог точно оформить свое душевное состояние.

– Я, собственно... Ты, брат, без году неделя так-то, а я сызмальства мыкаюсь. Ну... двенадцати годов с батькой первую лошадь свели... – Ишь ты... ловко... – похвалил Васька.

– У нас все так... Еще дед промышлял. Потому нет никакой возможности: земли мало, да и ту хоть брось! На фабрику которые идут... Неохота! А тут голодное брюхо подводит. Ну, с деда и начали...

– Это бывает, – равнодушно отозвался Васька.

Батьку убили на этом деле... Брата тоже убили, а меня не тронули – мал очень был. Одначе выпороли здорово!

– Так...

– Ну, после и их немало в Сибирь ушло...

– Бывает, дело такое, – опять отозвался Васька. Куприян задумчиво посмотрел в щели на небо.

– Оно конечно, все одно... – заговорил он опять, – везде плохо... а только не по мне это... живешь, как волк, без дому... Свисти за ветром, и все тут... Хуже собаки! Иной раз тянет на пашню по весне... так бы и взрыл всю землю и чтоб зелена, зелена пошли вокруг... Тошно мне! На мужиков завидно!

Васька поднял голову и вяло, но убежденно сказал:

– Вре... зря болтаешь; а дали бы соху, опять камень да глину драть – так первый сбежал бы...

– Не! – кротко ответил Куприян. Оба замолчали, и опять стало слышно, как шумит дождь и скрипит березка.

– Что ж, – вдруг с неожиданной грустью, не вязавшейся с его ухарским голосом, проговорил Васька, – может, и так... Ты думаешь, вот он, Васька... ни Богу свечка, ни черту кочерга!. А ведь я, брат... сказать... вовсе не то думал... У меня когда-то тоже дума была... Помню, вышел весною под вечер, журавле вверху кричат, землей пахнет густо так... да... Пел я тогда очень хорошо; теперь голос пропил, а тогда здорово пел. Учитель наш, Иван Семенович, говорил, что кабы меня учить... о-го-го! А то хотелось мне описать все, как люди живут. Стою вечером, слушаю, как журавли кричат, и, черт его знает отчего, плакать вот так и хочется... Рассказал бы кому, никто не понимает, батька ругается, ну... ходу никуда нет. Ушел на фабрику, и такая меня злость взяла! Пить начал здорово... Ну а там и пришло... Все одно!

– Так, – грустно сказал Куприян. «Скрыты», – жалобно скрипнула березка. Долго было тихо и глухо.

– Егор пришел? – спросил вдруг Куприян...

Васька сразу поднялся и сел.

– Пришел, – сказал он. Ты видел?

– Собственными глазами удостоился. Здоровый, черт, и с медалями. Усы как у солдата следовало быть...

– Давно пришел? – сквозь зубы спросил Куприян.

Ему стало особенно неприятно, когда он узнал, что Егор имеет и медали. Но он не знал, что это ревность, и даже сам удивился своему чувству. – Вчера, кажись... Ну и что?

– Да что... Рассказывали: приехал, да на станции и встретить писаря. Ну, выпили первым делом, а выпивши писарь ему все и выложил... ребеночек, мол, и все прочее. Ну, тот попервоначалу, говорят, как бы в бесчувствие впал, а потом и загулял. Пришел в село не то пьяный, не то ошалелый и сейчас это бабу бить. Боялись, чтобы не убил...

– Мне Мозявый сказывал, – хрипло проговорил Куприян. – Я его в лесу сейчас встретил.

– Мозявый?..

– А скверное ее дело, выходит!

– Это точно! Я Егора знаю... бешеный человек. Убить, может, не убьет, а что много муки баба примет, так это верно... Да что... знала, на что шла!

– Не говори. Чего так?

– Ты говоришь: «сама шла»! Я, брат, коней красть тоже, чай, сам шел, никто в шею не толкал, а все-таки... Жаль бабу.

Васька усмехнулся.

– Нашел чего жалеть! Ну, изуродует он ее малость, да и то нет, потому самому баба нужна, а опосля она ему еще шестерых ребят принесет! Дело обнаковенное...

– Хилая она... не сдержит бою.

Васька махнул рукой и вытащил из сена бутылку.

– А не сдержит помрет. Это уж бесприсменно, – философски заключил он и забулькал водкой. Но Куприян продолжал:

– Жаль бабу и мальчонка жаль. Несмыслящий ведь еще.

Васька на секунду задумался.

– Это ты верно, – тряхнул он головой, – его житье плохо: в гроб вгонит. Бабу изуродует, нет ли, а парнишке – каюк! Фью!.. Он ему как бельмо на глазу, да и бабе срам один... Да туда и дорога.

– А за что? – глухо спросил Куприян, глядя сквозь щель на качавшуюся от ветра тень березки.

– Что, собственно? Ты о чем? – не понял Васька.

– Парнишку за что, говорю? Он чем виноват?

– Фью! Этих делов, братец ты мой, не разбирают. Виноват? Тоже сказал! Не ко двору, прибудный, ну, и ступай, откедова пришел. Верно. Да и что жалеть, много ли ему радости-то? Мужика сын...

– А жаль, – повторил про себя Куприян.

Ваське надоел этот разговор. Его душа, страшно и непонятно уничтоженная фабриками и заводами, где человек составляет только часть огромной машины, совершенно уже не воспринимала чувства сострадания. Ребенка он даже и за человека не считал. Посмотрев в пыльную, затхлую и темную пустоту под крышей, где на жерди возилась какая-то птица, Васька медлительно, с чувством сплюнул, а потом заснул.

Куприян же долго ворочался на сене. Ему было и неловко от мокрого, липнувшего к плечам платья, и нехорошо от дум, в которых первое место занимало всеподавляющее чувство одиночества и тяжелое, тупое недоумение от тщетного желания уяснить себе жизнь, вставшую перед ним непонятным и страшным вопросом.

Потом армяк согрелся в сухом сене, и измороженный Куприян задремал.

Серое утро пробралось в широкие щели и осветило пыльным молочным светом две спящие фигуры самых грозных конокрадов округи.

Куприян спал, вытянувшись на спине, и его чернобородое, скуластое, крепкое лицо было по-мужицки серьезно и неподвижно; дышал он тяжело и ровно, широко работая грудью. Васька спал, свернувшись калачиком, поджав длинные, худые ноги в прорванных портках и положив руку под голову. Его безбородое и безусое худое лицо мертвенно неподвижно и при слабом свете утра казалось земляным; дышал он нервно, со свистом и прихлипыванием; тонкая шея его вытягивалась и веки слегка вздрагивали, как у человека, готового всякую минуту вскочить и бежать.

На деревне пели петухи сиплыми, простуженными голосами; а за ригой, – за мокрым, покрытым сухим обломанным камышом болотом тянулись безотрадные, серые мокрые поля. Над ними плыли серые тяжелые тучи и моросилась жидкая завеса дождя.

III

Васька сказал Куприяну неправду: Егор Шibaев ничего не знал до самого возвращения домой.

За пять лет солдатчины Егор Шibaев совершенно отвык от жены, но тем не менее хорошо помнил, что в деревне у него осталась жена, и хотя сам, как всякий солдат, жил с другими женщинами, кухарками и проститутками, он твердо верил в несокрушимость своих прав над женой. Мысль о том, что жена может «забаловать», очень редко приходила ему в голову. Чем больше он натирался городским лоском, соединенным с нашивками и медалями, тем больше проникался уважением к себе, и ему казалось невозможным, чтобы жена променяла его на простого мужика.

Вспоминать о жене всегда было ему приятно, не потому, чтобы он ее любил, а потому, что он чувствовал себя солиднее, имея жену и дом. С посторонними о жене говорил всегда полупрезрительно: «Бабы, известно!» Но иногда, в особенности когда получил унтера, стал называть ее: «наша супруга». Любил писать ей письма и писал каждый месяц сам. Письма наполнял поклонами всей деревне и в конце подписывался: «Унтер-офицер такого-то полка, такого-то баталиона и роты Егор Иванов Шibaев».

Когда он ехал домой, то нарочно не писал жене, чтобы больше поразить и ее и всю деревню неожиданным великолепием своего унтерского вида.

В городе и солдатчине он совершенно забыл деревню, и его не тянуло туда, но когда поезд двинулся и понесся по чернеющим распаханым полям с кучами гнилого навоза и черными грачами, разгуливающими по меже, хорошее, радостное и оживленное чувство пробудилось у него в душе, и он уже по целым часам глядел в окно вагона на бесконечные серые равнины, затянутые серой завесой дождя и сливающиеся на горизонте с таким же серым небом.

Все то грязное, скверное и бестолковое, что насадила ему в душу бессмысленная, непонятная его мужицкому уму и сердцу солдатская жизнь, разом исчезло, уступив место сначала безотчетно радостному настроению человека, приближающегося после долгого отсутствия к родным местам, а потом и деловым соображениям хозяина-мужика, проснувшегося в нем, несмотря на колоссальную величину той мерзости, разврата и лени, которая наслала на него в казармах.

Чем ближе он подъезжал к родине, тем приятнее становилось ему при мысли, что он едет не на голое место, а в дом, где есть всякое хозяйственное обзаведение и жена тоже. Последнюю он вовсе не отделял от первого, и ему не приходило в голову, как встретит его жена.

С возвращением домой у него было связано представление об удивлении односельчан, об их любопытных расспросах, о своих хвастливых рассказах и еще о водке.

Больше всего его тешило и занимало, что писарь, старшина и прочие сельские власти, пять лет тому назад сдавшие его, как барана, отупевшего от страха и непонимания окружающего, в рекруты, теперь встретят его как равного, потому что он – унтер, заслуженный человек.

Выйдя из вагона на станции, лежавшей в десяти верстах от села Дернового, Егор Шibaев почувствовал себя совершенно дома и тут же подтянулся, приняв солидный и молодецватый вид.

И его радовало, что это удастся ему хорошо и что среди мужиков, оборванных, серых и грязных, он имеет вид начальства.

Между мужиками оказались и его знакомые, в том числе писарь и старшина.

Писарь Исаев был тот же курчавый, красивый, но заплывший жиром человек, с маленькими постоянно бегающими глазами и одышкой, одетый в картуз, пальто и блестящие резиновые калоши.

Старшина Головченко, пожилой, высокий и очень сутуловатый мужик с низким лбом, на котором скобкой были подрезаны волосы, был такой же, как и пять лет тому назад, и так же тупился и сопел носом.

С ними был еще и третий деревенский мужик с бляхой сотского на груди, с длинной палкой и суровым, угрюмым лицом. Егор Шibaев знал его. Это был сильный и пьющий запоем мужик по имени Шпрунь.

Односельчане сейчас же узнали Егора Шibaева. Писарь воззрился на него и, отдуваясь и улыбаясь, поздоровался с ним, как образованный человек, за руку.

Старшина снял картуз и поцеловался с ним три раза. Сотский Шпрунь поднял шапку, но подойти не посмел. Егор Шibaев, хотя мальчиком и парнем часто был бит пьяным Шпрунем, не подошел к нему, думая, что недостойно его звания здороваться с простым мужиком.

– Какими судьбами? – спросил Шibaев писаря. По делам больше. А вы окончательно в наши палестины?

– Да.

– Ну что же-с? После Питера вам, конечно, все очень плохо покажется!

Егор принял значительный вид.

– Да оно конечно... то столица, а это, конечно, деревня, – снисходительно ответил он.

– Что уж тут, – тяжело, точно сокрушаясь, заметил старшина и вздохнул.

– Рады, чай, все-таки, что домой прибыли? – с любопытством и бегая глазами по сторонам, спросил писарь.

– Как водится. Все-таки солдат, хоть там и унтер-офицер тоже, человек военный ни кола ни двора, как говорится, не имеет. А тут все в порядке... дом, хозяйство.

– Супруга ваша здравствует, – сообщил писарь. Ему очень хотелось сообщить Егору Шibaеву об измене жены, но он не решался.

– Благодарим вас... Опять же вот жена, – продолжал Егор солидно и внушительно, – солдатом, конечно, баловаться приходилось... по разным там... а тут все-таки, какая ни на есть, законная жена.

– Оно конечно! – согласился писарь, бегая глазами по сторонам и не решаясь сказать то, что ему хотелось.

Старшина вздохнул и потупился.

– Одно слово – в гостях хорошо, а дома все лучше! – сострил писарь и сам коротко и с одышкой засмеялся.

Егор Шibaев радостно улыбнулся.

– Что и говорить!

– Вы, собственно, давно из Дерновой?

– Со вчерашнего дня.

– Что так?

– Да такое дело вышло... конокрадишки у нас завелись... У господина земского начальника лошадь свели... хорошую лошадь... Ну и подозрение есть такое, что из наших же деревенских.

– Ну? – спросил Егор Шibaев, очень довольный, что писарь посвящает его в такие дела, о которых с простым мужиком и говорить бы не стал.

– Да-с, – вздохнул писарь, – может, помните Куприяна Тесова... вот, что еще при вас в острог свезли?

– Помню, как же...

Писарь подумал и, окончательно решив ничего не говорить Егору о его жене, продолжал с одышкой:

– Бежал, извольте видеть, и так полагают – его рук дело.

– Такой род у них, – вставил старшина и тяжело вздохнул, потому что боялся за свою тройку.

– Скажите... тэк-с. А каким бы родом мне до Дернового добраться?

Писарь сообразил, пошевелил толстыми пальцами.

– Мужичок тут есть наш. Может, тоже помните: Мозявым прозывается. Так он, надо быть, вскорости домой. Он муку привез господину Твердохлебову, начальнику станции...

Егор Шибаев кивнул головой, хотя совершенно не знал этого начальника станции. Но ему казалось почему-то, что не знать начальника станции неприлично для его унтерского и столичного достоинства.

– Ну, так вот им муку-с... а теперь, надо полагать, и в обратный. Вы попросите его. Он мужик ничего, хороший мужичок.

– А где бы мне его?

– А вот сейчас... Шпрунь, а Шпрунь! – крикнул писарь сотскому, который с начала разговора из уважения к начальству отошел.

– Тут я, – отозвался он густым и хриплым с недавнего перепоя голосом.

– Ты... найди там Мозявого и спроси, не подвезет ли вот их?.. Это ваш сундучок?

– Мой.

– Вот их с сундучком. Скажи: я спрашиваю.

Сотский мрачно повернулся и пошел, топая пудовыми сапогами и стуча палкой. Писарь посмотрел ему вслед.

– Тоже вот... обстоятельный мужик, а только зашибает.

– Бывает, – сказал Егор Шибаев.

Ему было очень лестно, что писарь отзывается при нем о других мужиках, как бы не причисляя его, Шибаева, к ним.

А потому он счел нужным поддержать свое достоинство и, разгладив усы, сказал:

– Вот у нас, в третьей роте, тоже один солдатик, из цыган он, Белокопытин по фамилии, так тоже, ежели трезвый – куда хочешь его ткни, а напьется и – дрянь человек. Уж его и так, и этак... А тоже обстоятельный, как следовало быть, по всей форме солдат...

– Это случается, – согласился теперь писарь.

В это время старшина кашлянул и раскрыл рот.

На платформе показался сотский Шпрунь, со своей палкой и бляхой, а за ним, в оборванном азяме, в стоптанных лаптишках – Мозявый.

– Вот, – сказал сотский, икнул и из уважения к начальству отошел.

Мозявый поспешно сдернул шапчонку и остановился в трех шагах от них, вывернув носки и вытянув тонкую черную шею. Слезающимися глазками он глядел на начальство с видом забитого животного, потому что Шпрунь не заблагорассудил пояснить ему, зачем он понадобился начальству, а сам по себе, по опыту и вкоренившейся привычке, он от начальства добра не ждал.

Писарь сразу превратился во властное начальство.

– Эй ты, вот отвезешь их в Дерновое. Ты сейчас?

– Сею минуту, – поспешно и хрипло, точно слова с усилием выходили у него из горла, ответил Мозявый.

– Сундучок там у них... вот этот самый.

Мозявый посмотрел на сундучок и заморгал глазами: сундучок был довольно велик, а лошадь у него была плохая и не кормленная целый день. Мозявому было жаль своей лошади, но послушаться писаря он не посмел и даже с видом готовности засуетился, засунул шапку за пояс и обхватил обеими тонкими и корявыми руками сундук, но с трудом только приподнял его. Он засуетился еще больше, переложил шапку под мышку и опять ухватился за сундук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.